

хорошая школа“ со значительною будущностью—на что все это похоже, съ чѣмъ это сообразно? Однако, продолжая чтеніе, мы въ этомъ рядѣ статей скоро открываемъ присутствіе, во всей цѣлости и нерушимой неприкосновенности, всего того, что принадлежитъ къ настоящей натурѣ этого журнала и самыхъ коренныхъ его писателей. Указавъ на столь постыдное отсутствіе религиозной живописи на нашихъ выставкахъ (и забывъ при этомъ, что по какой-то странности во всемъ европейскомъ современномъ искусствѣ существуетъ точь-въ-точь такое же малое преобладаніе живописи религиозной) достойный сотрудникъ князя Менцерева указывалъ на „тенденціозность, достойную сожалѣнія, на непріятную живость композиціи картины Рѣпина „Крестный ходъ“; на болѣе чѣмъ странный подборъ нарочито уродливыхъ, звѣрскихъ и идиотическихъ типовъ“; вообще же про Рѣпина замѣчалъ, что онъ „умышленно губить свой талантъ“ и т. д. Что же касается общихъ соображеній, то они состояли главнымъ образомъ въ срамленіи и упреканіи нашего искусства передъ лицомъ европейскаго. „На западѣ,—говорить „Гражданинъ“,—жанръ у французовъ, итальянцевъ, испанцевъ непременно предполагаетъ элементъ граціозности, изящества; у фламандцевъ и нѣмцевъ замѣтенъ элементъ благодушія, часто соединяющагося съ почитаніемъ семейнаго очага. Вообще, у западныхъ художниковъ жанръ имѣетъ какъ бы цѣлью дать впечатлѣніе тихое, успокоительное, возвращающее человѣка къ маленькимъ радостямъ и волненіямъ будничной жизни. Нашъ жанръ явился сразу безъ всѣхъ этихъ элементовъ... Наши жанристы безпощадны... Въ лохмотьяхъ нищеты у европейскихъ художниковъ есть почти всегда нѣчто трогательное... Наша жанровая картина въ сущности почти всегда не что иное, какъ карриатура...“ Неправда-ли, вѣдь всѣ эти обвиненія почти точь-въ-точь одно и то же со словами Потутина въ „Дымѣ“: „Мы толкуемъ объ отрицаніи, какъ объ отрицаніи, какъ объ отличительномъ нашемъ свойствѣ; но и отрицаемъ-то мы не такъ, какъ свободный человѣкъ, разящій шпагой, а какъ лакей, лупящій кулакомъ“. Тамъ, у тѣхъ—какое благородство и галантерейность! Шпага, трогательныя лохмотья, а у насъ, пошлыхъ лакеевъ—кулакъ, разящій безъ всякаго почтенія и жантійной деликатности, прямо такъ-таки куда попало, голая правда жизни въ картинѣ, какъ она въ самомъ дѣлѣ есть на лицо, сдуривъ безъ книксеновъ, безъ всякихъ тихостей и успокоеній! „Наше искусство,—вопилъ „Гражданинъ“ по поводу передвижной выставки 1884 года,—все дальше и дальше уходитъ по пути, весьма неправильному и странному; этотъ путь не можетъ при-